

Едва Е Гуй покинул комнату, как снаружи послышался тихий шум. Половицы в коридоре натужно заскрипели под чьей-то тяжестью. Он крепче сжал в руке чашку и скосил глаза на дверь, за которой по-прежнему царила тишина.

Шаги явно приближались к его комнате, но всё это казалось наваждением.

Встав, он подошёл к двери и прищурился. Сделал ещё пару шагов. Скрип повторился, но теперь неизвестный двинулся в противоположную сторону. Он молча прислушивался. Шаги замерли у самой лестницы — похоже, человек передумал входить и стал спускаться.

Вскоре в коридоре снова послышался шум, на сей раз торопливый. Быстро вернувшись на постель, он растянулся под одеялом, изображая спящего. Едва он закрыл глаза, как дверь с тихим щелчком отворилась.

Торопливые шаги вошедшего затихли, сменившись крадущейся поступью. Человек подошёл к самой постели и замер.

— Господин, может, тот человек просто ошибся дверью? — Сяо Муцзы зевнул, прикрыв рот ладонью. — Не нужно так изводить себя подозрениями.

Сюэ Бэйван облегчённо вздохнул. В тишине комнаты его дыхание прозвучало отчётливо и тяжело.

— Главное, что с ним всё в порядке. Поторопись с покупкой усадьбы. Оставлять его в этой гостинице — плохая затея.

— Господин, но я привёз с собой всего три тысячи лянов серебром, — робко возразил Сяо Муцзы. — К тому же рано или поздно нам придётся вернуться. Приличный дом обойдётся никак не меньше семисот-восьмисот лянов, да и самый скромный заберёт три сотни, а то и все четыре. Вы привыкли к роскоши, на вашем содержании нельзя экономить. Кто знает, сколько ещё мы пробудем в царстве У? Бережливость нам точно не повредит.

— Я тебе не братья, которых всю жизнь холили в императорском дворце, — отмахнулся Сюэ Бэйван. — Всяких бед на своём веку навидался. А вот Цзюэюй совсем другой. Он слишком долго прожил в Тереме Сотни Ароматов и совершенно не знает, как устроен этот жестокий мир. Куда он пойдёт со своей изнеженностью? Что он умеет?

Сяо Муцзы вздохнул:

— Вы ведь не неволили его. Раз он решился выкупить себя, значит, знал, на что идёт, и наверняка всё продумал. У него точно есть куда податься.

— Скорее всего, содержательница притона принуждала его принимать гостей, вот ему и

пришлось бежать.

— Господин, неужели вы думаете, будто в Тереме Сотни Цветов за столько лет никто не догадался, какого он пола? — Сяо Муцзы покачал головой. — Наверняка там прекрасно знали, что молодой господин Цзюэюй — мужчина. Просто скрывали это, чтобы не навлечь на себя гнев покровителей. Посудите сами: ваша встреча, его внезапная продажа «первого бутона», всё, что случилось потом... Это слишком похоже на искусную ловушку, а вовсе не на слепую судьбу.

Заметив, что хозяин молчит, Сяо Муцзы негромко кашлянул и продолжил:

— Я не спору, выкупился он по-настоящему. Вот только и знакомство с вами свёл неспроста — искал богатого простофилю, который решит его проблемы. Вся эта история с «первым бутоном» могла быть обычным спектаклем, разыгранным вместе с тётушкой Лань ради того, чтобы завлечь вас в сети. Я вовсе не хочу очернить молодого господина Цзюэюя, но красота туманит разум. Во всём этом слишком много странностей. Вам стоит быть осмотрительнее, господин.

Сюэ Бэйван вздохнул и тихо бросил: «Ложись спать». После чего увёл слугу за собой.

На постели открыл глаза Бай Чэнцзюэ. Он посмотрел ледяным взглядом.

«Подозреваешь меня, значит?»

Бай Чэнцзюэ не стал дожидаться рассвета. Он достал из узелка золотой слиток, оставил его на столе и выскользнул из комнаты.

Раз уж Сюэ Бэйван начал сомневаться в нём, это был отличный повод уйти. Заодно появится время вернуться во дворец и успокоить старшую сестру, которая наверняка извелась от тревоги.

Ушёл он красиво. По примеру самого Сюэ Бэйвана, оставил на столе клочок ткани, где до последнего медного гроша расписал расходы за проживание, лечение и смену одежды.

Пока утренние улицы пустовали, Бай Чэнцзюэ сделал несколько кругов, путая следы, после чего благополучно пробрался в поместье князя Миня. Там они с Е Гуем быстро поменялись ролями, и уже вскоре Чэнцзюэ в своём привычном облики катил в карете напрямик к императорскому дворцу.

Императорский кабинет

Маленький император Бай Яньцю сидел за столом, сосредоточенно просматривая стопки государственных бумаг. Стоило евнуху доложить о прибытии гостя, как государь вскочил и поспешил навстречу, запутавшись в полах тяжёлого драконьего халата. Он покачнулся и едва не полетел кубарем со ступеней возвышения.

— Ваше Величество, поберегите себя! — испуганно воскликнул старый евнух, подхватив его под локоть.

Кое-как восстановив равновесие, Бай Яньцю посмотрел на вошедшего. Когда жемчужная завеса раздвинулась и показался Бай Чэнцзюэ, мальчик искренне обрадовался.

— Ступайте прочь! Живо, все убирайтесь! — приказал император. — Гу желает говорить с маленьким императорским дядей наедине.

— Слушаемся, — хором отозвались слуги.

Как только дворцовые служанки и евнухи покинули покой, Бай Яньцю бросился вперёд, крепко схватил Чэнцзюэ за руку и увлёк за собой, усаживая прямо на ступени возвышения.

— Яньцю, что за ребячество? — негромко упрекнул его Чэнцзюэ. — Тебе, как государю, не подобает вести себя столь непотребно.

— Я должен сам всё проверить! — упрямо ответил император. — Где вас ранили во время этого покушения, дядя?

С этими словами Бай Яньцю бесцеремонно приподнял рукава его одеяний и принялся. Почуввав лишь тонкий, благородный аромат орхидей и ни единой ноты крови, он наконец с облегчением выдохнул.

— Жалкие ничтожества! Я велю казнить каждого слугу в твоём поместье от мала до велика! Охранять дом не умеют — зачем им тогда головы на плечах? Бездельники!

— Яньцю, правителю не должно быть столь кровожадным и скорым на расправу. Лишь тот, кто печётся о покое подданных, удержит престол на века.

— Если слуги не справляются с обязанностями, их ждёт смерть. Дядя, ты слишком милосерден к этой грязи. Разве могут их никчёмные жизни сравниться с твоей?

Бай Чэнцзюэ тяжело, устало вздохнул.

— Яньцю, неужели ты решил вместо меня распоряжаться слугами в моём собственном доме?

Маленький император медленно опустил руки. В его голосе слышались обида и детские слёзы:

— Неужели маленький императорский дядя столь дурного мнения о своём племяннике?

— Я привык к людям в Поместье князя Миня. Если набрать новых, пройдёт уйма времени, прежде чем они станут понимать меня с полуслова. У меня нет сил притираться к незнакомцам.

— Не хочешь менять — не будем, — поспешно согласился Бай Яньцю, стараясь загладить вину. Он резво вскочил, взял со стола блюдо с изысканными сладостями и поднёс Чэнцзюэ: — Сегодня повара приготовили новые пирожные, вкус отменный. Сними маску, попробуй же! Ну, пожалуйста.

— Старшая сестра уже ждёт меня к обеду. Я не задержусь долго.

Император перестал улыбаться. Он замер с блюдом в руках, но спорить не посмел и покорно кивнул.

Бай Чэнцзюэ поднялся, разгладил складки на халате и мягко произнёс:

— Не слушай сплетни, Яньцю. Что бы ни болтали злые языки, я навсегда останусь твоим дядей. Мой покойный брат и отец вверили мне твою жизнь, и я костями лягу, но защищу тебя. Мне было пять лет, когда мир рухнул, а в шесть я впервые увидел тебя. Твой отец спас меня, он мой величайший благодетель. Я старше тебя всего на шесть лет, я растил тебя и нянчил. И если придётся, без раздумий отдам за тебя жизнь. Мне бы очень не хотелось, чтобы грязные наветы разрушили нашу искреннюю привязанность.

— Я знаю, — тихо ответил Бай Яньцю. — Знаю, что маленький императорский дядя любит меня сильнее всех на свете.

Бай Чэнцзюэ одобрительно кивнул. Напоследок он наказал племяннику беречь здоровье в эти сырые дни, после чего покинул императорский кабинет.

За последние годы Бай Чэнцзюэ почти не бывал во дворце, большую часть времени проводя в Тереме Сотни Ароматов в роли блистательной первой красавицы.

Каждое возвращение к этой женской роли требовало от него приёма особых пилюль, сужавших кости. С ранних лет он обучался боевым искусствам, и его тело по природе не могло быть хрупким. Чтобы придать ему изящные женские очертания, покойный император давным-давно приказал лекарям изготовить снадобье, способное временно изменять костную структуру. Действовать оно начинало в течение часа, принося с собой неопишуемые, раздирающие тело муки.

Чтобы юноша ещё сильнее походил на девицу, в детстве его часами держали в ваннах со специальными целебными отварами. Всё ради того, чтобы кожа сделалась гладкой, нежной и белой, словно драгоценный китайский шёлк.

Сколько раз, изнывая от этой дикой боли, он в слезах умолял о смерти! Но всякий раз покойный правитель сурово напоминал ему: если он не сдюжит столь малую ношу, его маленькую сестру отправят в далёкие варварские земли на растерзание чужакам в качестве заложницы мира.

Тяжёлые воспоминания растаяли, лишь когда он остановился у ворот Дворца Вечного Веселья.

Дворец Вечного Веселья

Его старшая сестра, Верховная принцесса Бай Цинли, уже давно ждала брата на крыльце, кутаясь в тёплый плащ. Завидев Чэнцзюэ, она не смогла сдержать радостной улыбки и поспешила ему навстречу.

Приблизившись, принцесса мягко положила руки ему на плечи. Она неуловимо напоминала их покойную матушку своим ласковым взглядом и величественной осанкой.

— Цзюэ-эр, как ты исхудал, — принцесса с состраданием сжала его ладони, согревая своим дыханием. — Стоило получить собственное поместье, как ты совсем позабыл дорогу во дворец. Неужто не знаешь, как сердце сестры болит за тебя?

Бай Чэнцзюэ мягко улыбнулся:

— Знаю. Потому и пришёл.

Бай Цинли увлекла его за собой в покои и тотчас велела слугам удалиться. Оставшись наедине, она бережно сняла с лица брата тяжёлый железный шлем. Не дав ему вставить ни слова, она крепко прижала холодный металл к груди. Она мгновенно прослезилась и изо всех сил сдерживала рвущиеся слёзы.

— Сестра, неужто ты плачешь?

Услышав его тихий голос, принцесса поспешно отложила шлем в сторону и промокнула уголки глаз широким рукавом платья.

— Слишком долго ждала тебя на крыльце, вот ветром и надуло.

— Верно. Тебе не о чем беспокоиться, за пределами дворца всё спокойно.

— Спокойно? Тогда откуда слухи о дерзком покушении? — взволнованно спросила принцесса.

— Всё это вздор. Я всего лишь праздный князь Минь. Кому из придворных чинов сдалось сводить со мной счёты? Обычный уличный воришка залез в дом, а слухи раздули до небес, пока они летели к твоим ушам.

Бай Цинли мягко улыбнулась:

— Слава богам, что ты цел. Моя душа теперь спокойна.

— Ты ведь обещала угостить меня обедом?

— Конечно. Приготовили всё, что ты любишь.

За обеденным столом принцесса усердно подкладывала брату лучшие кусочки, сама почти не притрагиваясь к еде. Она просто сидела рядом и с нежной, тёплой улыбкой любовалась им. Затем она наполнила его кубок изысканным вином.

— А сама почему не ешь? — поинтересовался Чэнцзюэ.

— Не хочется. Ты так редко балуешь меня своими визитами, дай мне хоть наглядеться на тебя.

Принцесса протянула руку и ласково поправила выбившуюся прядь его волос.

— С каждым днём хорошеешь... Только года ведь идут, Цзюэ-эр. Когда ты наконец обзаведёшься семьёй?

— Но ведь и ты, сестра, до сих пор не замужем.

Бай Цинли тихо рассмеялась и нежно коснулась пальцем его лба:

— Если бы ты не браковал каждого жениха под предлогом, что один глуп, а другой недостойн, разве осталась бы я старой девой в свои двадцать четыре года? Мой младший брат слишком уж придирчив, а теперь ещё и вздумал затыкать мне рот моими же бедами! Помнишь барышню из семьи Цзи? Славная была девушка, часто гостила у меня в покоях. Ты всё тянул да откладывал, пока бедняжка не вышла за князя Чжао. Будешь и дальше воротить нос — так всех невест в столице растеряешь. Для хорошего брака многого не надо: лишь бы супруга была мудра, благонравна да мила лицом.

Чэнцзюэ ловко увёл разговор в сторону:

— Все эти изнеженные столичные юнцы — пустые флюгеры. Да и ты сама признавала, что я прав.

Большинство знатных господ, мечтавших породниться с императорским домом, были завсегдатаями весёлых кварталов и тайных притонов. Насмотревшись на эту столичную грязь в Тереме Сотни Ароматов, Чэнцзюэ считал, что ни один из этих ничтожных хлыщей не достоин руки его любимой сестры. Именно поэтому он всякий раз ловко уклонялся от разговоров с Бай Яньцю, когда тот заводил речь о замужестве Верховной принцессы.

Ради царства У Чэнцзюэ принёс в жертву собственную жизнь, отказался от мужского естества и годами терпел нечеловеческую боль. И если он не сможет устроить счастье единственной сестры, защитить её от династического брака с каким-нибудь негодяем, то все его страдания окажутся напрасными.

— На мой взгляд, тебе стоит почаще выходить в город на праздники фонарей, — мягко произнёс он. — Наш император дал на то своё высочайшее дозволение. Сидя взаперти в четырёх стенах дворца, суженого не сыщешь. Выбирай того, к кому потянется сердце. Люби кого пожелаешь, а уж защитить тебя и твоего избранника я сумею. Неужто сомневаешься в силе брата?

Принцесса со вздохом покачала головой:

— Цзюэ-эр, нельзя быть столь заносчивым лишь оттого, что государь во всём потакает тебе.

Глядя на её мягкую жулящую улыбку, Бай Чэнцзюэ лишь молча пригубил сладкое вино.

Та роковая ночь много лет назад лишила его права выбора. Его судьба была предрешена и скована чужой волей.

Но он готов был сделать всё, чтобы его единственная близкая душа не повторила этот путь и не осталась навсегда запертой в золотой клетке...

<http://bllate.org/book/18210/1748874>